

УДК 811. 81'44

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРИЧАСТИЙ В КАЧЕСТВЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Алигаджиева А.Р.

*ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный технический университет»,
Махачкала, e-mail: logika55@mail.ru*

В статье представлен сопоставительный анализ наиболее распространенной синтаксической функции причастий немецкого и аварского языков – функции определения. Причастие как в немецком, так и в аварском языке различается по своей семантике и по своему употреблению в зависимости от общего семантического и грамматического характера глагола. Причастие II от переходных глаголов выступает как выразитель свойства, ставшего уже четким признаком предмета и в силу этой своей семантики может употребляться в качестве определения. Не обозначая реального признака – свойства предмета, причастия II от нерезультативных, непереходных глаголов не могут выступать в роли определения. В аварском языке непереходные причастия образуют трехчленные конструкции номинативного построения, в которых начальный классный показатель причастия координируется в классе и числе с субъектом. Причастия от переходных глаголов образуют четырехчленные словосочетания эргативного, локативного или дативного построения, в которых начальный классный показатель согласуется в классе и числе с объектом. Употребление причастий II от непереходных глаголов в немецком языке оказывается весьма ограниченным, особенно по сравнению с аварским причастием, обладающим большим богатством переплетающихся видовых и временных форм, которые могут выступать в качестве определений.

Ключевые слова: немецкий язык, аварский язык, синтаксические единицы, функция определения, причастие, переходный и непереходный глагол

**PECULIARITIES OF FUNCTIONING OF THE PARTICIPLE AS THE ATTRIBUTE
(BASED ON THE GERMAN AND AVAR LANGUAGES)**

Aligadzhieva A.R.

Dagestan State Technical University, Makhachkala, e-mail: logika55@mail.ru

The article presents a comparative analysis of the most common syntactic function of the German and Avar participles – the attribute. The participle in both the German and Avar languages differs in its semantics and use depending on the overall semantic and grammar character of the verb. The participle II of the transitive verb acts as the expresser of a property which has already become a clear feature of an object, and because of very this semantics it can be used as the attribute. Denoting no real features – properties of an object, the participle II of non-productive intransitive verbs cannot serve as the attribute. In Avar the intransitive participle forms three-membered constructions of the nominative structure in which the initial class sign of the participle coordinates in the class and number with the subject. The participle of the transitive verb forms four-membered word-combinations of the ergative, locative or dative structure in which the initial class sign coordinates in the class and number with the object. Thus, the use of participles II of intransitive verbs in the German language is very limited, especially in comparison with the Avar participle which has a great wealth of intertwined aspect and tense forms that can act as the attribute.

Keywords: German, Avar, syntactic units, function of attribute, participle, transitive and intransitive verb

В статье предпринята попытка соотнести один из аспектов синтаксической характеристики причастий на межъязыковом уровне: выявить общее и специфическое в функционировании причастий в качестве определения в аварском и немецком языках. Для решения поставленной задачи в статье применяется метод, который в традиционной трактовке определяется как «имеющий дело с попарным сопоставлением языковых систем (структур) на всех уровнях вне зависимости от генетической и типологической принадлежности сопоставляемых языков с целью выявления их структурных и функциональных особенностей, сходств и различий (контрастов)» [6, с. 409]. Такие исследования подчинены по преимуще-

ству задачам прикладного характера – разработки стратегии обучения какому-либо из сравниваемых языков, теории перевода и др. При решении этих задач равноценными являются и сходства, и различия между языками. Применение эффективной методики сопоставления синтаксических структур позволит не только выявить тождества и различия между сравниваемыми единицами двух разных языков, но и позволит их дальнейшее теоретическое осмысление.

Основная часть

Причастия, особенно причастные группы, имеют существенное значение для расширения объема предложения. Заключается это значение не в том, что

причастия оформляют какие-либо особые члены предложения, не оформляемые другими морфологическими разрядами слов, а в том, что причастия, сохраняя особенности глагольного управления, могут иметь при себе большое число дополнений, обстоятельств и т.п. и часто оказываются обособленными и сравнительно самостоятельными членами предложения. Наиболее распространенной синтаксической функцией причастия I и II немецкого языка и причастия аварского языка является функция определения.

Причастия в аварском языке в составе предложения выполняют функцию определения в зависимости от позиции по отношению к существительному, к которому оно относится. Если причастие в предложении находится перед существительным, оно выполняет синтаксическую функцию определения: *баккараб бакъ* «взошедшее солнце», *ссвараб цла* «погасший огонь». В составе предложения в качестве определения выступают также причастные обороты: *РикIklade бихъулаан кьурул рагIалда бараб мина*. «Издали можно было увидеть дом, построенный на краю пропасти». Причастный оборот *кьурул рагIалда бараб* «построенный на краю пропасти» так же, как и причастие, отвечает на вопрос *кинаб?* «какой?» и является определением.

В немецком языке причастия I и II функционируют в языке (наряду с прилагательными) в качестве определений к существительным, т.е. в качестве таких членов предложения, которые указывают на свойство, качество соответствующего предмета. Причастие, выступая в качестве определения, обозначает процессуальный и результативный признаки предмета. Причастие II в немецком языке резко различается по своей семантике и по своему употреблению в зависимости от общего семантического и грамматического характера глагола. Причастие II от переходных глаголов обладает страдательно-результативным характером. Действие дано здесь с точки зрения его результата, выразившегося в создании определенного свойства у того предмета, на который действие направлено. Как указывает Г. Пауль, «так называемое перфектное причастие в немецком языке отчетливо показывает, что формы, вполне тождественные по типу образования, могут принадлежать к разным залогам: причастия от переходных глаголов выступают в страдательном значении, а причастия от непереходных гла-

голов частично имеют значение действительного залога» [7, с. 335].

Если причастие I от глагола *bauen* по своей семантике активно, выражая нахождение предмета в определенной активной деятельности (*der bauende Arbeiter*), то причастие II от этого глагола по своей семантике пассивно, выражая состояние, приобретаемое объектом в результате действия и при этом результативно, поскольку это приобретаемое объектом состояние дано здесь в виде уже приобретенного свойства (*das gebaute Haus*). Причастие II от переходных глаголов выступает как выразитель свойства, ставшего уже четким признаком предмета. И в силу этой своей семантики причастие II любого переходного глагола может употребляться в качестве определения.

Причастие II от непереходных глаголов может относиться только к субъекту процесса. Здесь различаются две группы:

1) непереходные глаголы с предельно-результативным значением (типа: *kommen* «прийти», *erwachen* «проснуться», *sterben* «умереть»);

2) глаголы с курсивным (длительно-неограниченным, нерезультативным) значением (типа: *gehen* «ходить», *machen* «делать», *leben* «жить») [3, с. 341].

Причастие II *gekommen* результативного непереходного глагола *kommen* может выступать здесь в качестве определения, так как *gekommen* обозначает здесь известный результат, который был достигнут субъектом и который тем самым стал неким признаком, свойством субъекта. Причастия II от глаголов второй группы, обладающие курсивной нерезультативной семантикой, сами по себе не могут обозначать какой-либо результат действия и тем самым не могут быть восприняты как некий признак предмета, ставший его свойством. Не обозначая реального признака – свойства предмета, причастия II от нерезультативных, непереходных глаголов не могут выступать в роли определения.

Употребление причастий II от непереходных глаголов оказывается весьма ограниченным, особенно по сравнению с аварским причастием, обладающим большим богатством переплетающихся видовых и временных форм, которые могут выступать в качестве определений. Определительные причастные конструкции в аварском языке представляют собой развернутое определение при одном из членов главного предложения. Причастие

в таких определениях одновременно играет роль определения и сказуемого придаточной части. Например: *Васас хъвараб кагъат дида батана*. «Мальчиком написанное письмо я нашел».

В этом предложении причастная конструкция (*васас хъвараб*) представляет собой развернутое определение при прямом дополнении главного предложения (*кагъат*). Причастие в развернутом определении согласуется с определяемым им словом с помощью конечного классного показателя, ср. *Васас хъварал кагътал дида ратана*. «Мальчиком написанные письма я нашел».

Конструкции переходного и непереходного причастия обнаруживают структурные различия. Сочетания переходного причастия имеют следующую формальную структуру «имя в эргативе + имя в номинативе + переходное причастие + определяемое имя», например: *Гъеб буклана пачаясда данде Шамилица рагъ гъабулеб заман*. «Это было время, когда Шамиль вел против царя войну» (букв. «Это было против царя Шамилем война делающее время»).

Причастия, производные от глаголов внешнего восприятия, образуют сочетания структуры «имя в локативе + имя в номинативе + переходное причастие + определяемое имя», например: *Муслимида вас вихъараб къо*. «День, когда Муслим увидел мальчика» (букв. «Муслимом мальчик увиденный день»).

Причастия, образованные от глаголов чувственного восприятия, образуют сочетания следующей формальной структуры: «имя в дативе + (имя в номинативе) + переходное причастие + определяемое имя», например: *Инсул буклараб рукъги эбелаль Абдурахмане араб сональ бичун буго*. «Мать продала дом отца в тот год, когда вышла замуж за Абдурахмана» (букв. «... за Абдурахмана вышедший год...»).

Конструкции непереходного причастия имеют формальную структуру: «имя в номинативе + непереходное причастие + определяемое имя», например: *Нуже рачлараб мехаль росуль гуриш гъов вукларав*. «Он ведь был в селе, когда вы пришли» (букв. «вы пришедшее время, ведь он был в селе»).

Причастие в аварском языке может быть определением и к независимому от него субстантиву. Например: *Вас вачлараб къо квачараб буклана*. «День, когда пришел мальчик, был холодным» (букв. «мальчик пришедший день хо-

лодный был»). «Такое употребление причастий в аварском языке показывает достаточно широкую свободу его сочетаемости со словами главного предложения и возможности причастного оборота как конструктивно, так и семантически замещать место придаточного предложения [5, с. 10].

Непереходные причастия образуют трехчленные конструкции номинативного построения, в которых начальный классный показатель причастия (если он представлен) координируется в классе и числе с субъектом.

Переходные причастия (в зависимости от семантики глагола) образуют четырехчленные словосочетания эргативного, локативного или дативного построения, в которых начальный классный показатель (если он представлен) согласуется в классе и числе с объектом.

Следует отметить, что в дагестановедении нет однозначного мнения по вопросу квалификации этих синтаксических конструкций. Одни исследователи считают их причастными оборотами, другие – придаточными предложениями. Мы придерживаемся точки зрения М.-С.Д. Саидова [8; 9], М.М. Гаджиева [2], Г.Б. Муркелинского [4], Д.С. Самедова [10] и других, что основным критерием отнесения данных конструкций к придаточным предложениям является наличие у них собственного подлежащего, отличного от подлежащего главного предложения. М.-С.Д. Саидов [9, с. 84–151] называет причастные конструкции, выполняющие функцию распространенного определения, «развернутыми определениями».

В случае наличия собственного подлежащего распространенные определения способны выполнять предикативную функцию. Предикативность в таких случаях, в отличие от главного предложения, выполняют инфинитные формы, в данном случае – причастия. Как отмечает Д.С. Самедов, «такая форма выражения предикативности через инфинитные формы делает зависимые части структурно несамостоятельными, незавершенными предикативными единицами» [10, с. 20].

Анализируя предложение с распространенным определением, выполняющим функцию придаточного предложения – *Мун вачлараб къо дида рачларалда буго*. «Ты пришел-когда день я помню» (= Я помню день, когда ты пришел), Д.С. Самедов точно подмечает, что «причастие

определяет характеризует существительное главной части, но семантически через классный показатель предикативно связано с субъектом *мун* «ты». Такое двойное согласование причастия (чисто формальное и семантическое) является спецификой аварского языка» [10, с. 20].

С функционированием причастий и деепричастий в аварском языке связан один из дискутируемых вопросов аварского синтаксиса – квалификация причастных и деепричастных оборотов. Являются ли они придаточными предложениями или развернутыми членами предложения?

Этим вопросам большое внимание уделил М.-С.Д. Саидов [8; 9]. Он рассматривает причастия и деепричастия с зависимыми от них словами как распространенные члены предложения, которые он приравнивает к придаточным предложениям, поскольку структура причастных и деепричастных оборотов в отношении связей и порядка слов основывается на тех же правилах, что и придаточные предложения. Исходя из характера согласования причастия и деепричастия, М.-С.Д. Саидов рассматривает их как сказуемые придаточных предложений, которые в то же время служат средством связи придаточных предложений с главными. Как указывает М.-С.Д. Саидов, «в аварском языке согласование начальных и средних классных показателей в причастиях подчиняется тем же законам, что и согласование начальных и средних классных показателей в основе глагольного сказуемого вообще, т.е. начальный или средний показатель причастия имеет субъектное (в непереходном причастии) или объектное (в переходном) значение» [8, с. 247].

В германистике также наблюдается разброс мнений по вопросу квалификации самих причастий. В. Шмидт высказывает мнение, которое нашло поддержку у ряда германистов, что причастия немецкого языка, как это имеет место и в античной грамматике, можно считать самостоятельной частью речи [12, с. 59–60]. В германистике известно мнение, что причастие первое в немецком языке уже вышло из глагольной системы. Известно и другое мнение, которого придерживается Е.И. Шендельс [11, с. 106]. Она полагает, что в формах причастий превалируют не именные, а глагольные качества.

Г. Пауль придерживается мнения, что причастия в немецком языке имеют не гла-

гольное, а именовое происхождение. Исследуя историю языка, он прослеживает на исторических примерах переход в ряде случаев от подлинного прилагательного к причастию. Именовое происхождение причастия подтверждается и обратным явлением, «когда причастие шаг за шагом возвращается к своей прежней чисто именной природе» [7, с. 426].

Объясняя сходство функций, выполняемых причастиями в предложении с прилагательными и наречиями, самой морфологической природой причастий, В.Г. Адмони выявляет в то же время и различия, существующие в функционировании данных слов: «выполняя те же синтаксические функции, что и прилагательное и наречие, причастие отличается от них способностью иметь при себе несравненно более развернутую группу зависящих от него слов» [1, с. 203]. Именно эта способность причастий и имеет существенное значение для расширения объема предложения.

Причастия немецкого языка О.И. Москальская включает наряду с инфинитивами в общую систему форм глагола, но подчеркивает, что «они обладают существенными особенностями по сравнению со спрягаемыми или личными формами глагола» [3, с. 337].

Отсутствие в германистике однозначного мнения по вопросу включения инфинитивных форм в разряд глагола обусловлено тем обстоятельством, что причастные формы (Partizip I und II) в немецком языке по их морфологическим свойствам и синтаксическому употреблению стоят ближе к прилагательным, нежели к глаголам. В аварском языке, напротив, как по морфологическим характеристикам, так и по синтаксическому употреблению причастия стоят ближе к глаголам, нежели к прилагательным, вплоть до выполнения ими предикативных функций.

Заклучение

Причастия в сопоставляемых языках имеют существенное значение для расширения объема предложения.

Предикативная функция, исторически характерная для причастий, утрачена в аварском языке частично, в немецком – полностью.

Причастие II немецкого и причастие аварского языка, причастие I немецкого и деепричастие аварского языка обнаруживают определенную лексико-грамматическую и синтаксическую идентичность.

Список литературы

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М., 1955. – 391 с.
2. Гаджиев М. М. Синтаксис лезгинского языка. Ч. 2: Сложное предложение. – Махачкала, 1963. – 203 с.
3. Москальская О.И. Грамматика немецкого языка. – М., 1956. – 394 с.
4. Муркелинский Г.Б. О причастных, деепричастных и масдарных конструкциях в дагестанских языках // Ученые записки. Т. XII (серия филологическая). – Махачкала, 1964. – С. 3–16.
5. Мустафаева Р.А. Отглагольные образования в аварском языке (формообразование и употребление): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1995. – 24 с.
6. Нерознак В.П. О трех подходах к изучению языка в рамках синхронного сравнения // Сопоставительная лингвистика и обучение неродному языку. – М., 1987. – 240 с.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. – М., 1960. – 501 с.
8. Саидов М.-С.Д. Роль причастия в развитии придаточного предложения в аварском языке // Язык и мышление. Т. XI. – М.:Л., 1948. – С. 247–257.
9. Саидов М.С. Развернутые члены предложения в аварском языке // Языки Дагестана. – Махачкала, 1954. – Вып. 2. – С. 84–151.
10. Самедов Д.С. Сложное предложение в аварском языке в сопоставлении с русским. – Махачкала, 1995. – 103 с.
11. Schendels E. Deutsche Grammatik. – М., 1979. – 370 п.
12. Schmidt K. Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. Wandel einer Verbalkategorie // Glotta. – В. II. Н. 1, 1964.
2. Gadzhiev M.M. Sintaksis lezginского jazyka. Ch. 2: Slozhnoe predlozhenie. Mahachkala, 1963. 203 p.
3. Moskalskaja O.I. Grammatika nemeckogo jazyka. M., 1956. 394 p.
4. Murkelinskij G.B. O prichastnyh, deepriчastnyh i masdarnyh konstrukcijah v dagestanskih jazykah // Uченые записки. Tom XII (serija filologičeskaja). Mahachkala, 1964. pp. 3–16.
5. Mustafaeva R.A. Otglagolnye obrazovanija v avarskom jazyke (formoobrazovanie i upotreblenie). Avto-ref. dis... kand. filol. nauk. Mahachkala, 1995. 24 p.
6. Neroznak V.P. O treh podhodah k izucheniju jazyka v ramkah sinhronnogo sravnenija // Sопostavitelnaja lingvistika i obuchenie nerodnomu jazyku. M., 1987. 240 p.
7. Paul G. Principy istorii jazyka. M., 1960. 501 p.
8. Saidov M.-S.D. Rol prichastija v razvitii pridatochnogo predlozhenija v avarskom jazyke // Jazyk i myshlenie. T. XI. M.:L., 1948. pp. 247–257.
9. Saidov M.S. Razvernutye chleny predlozhenija v avarskom jazyke // Jazyki Dagestana. Mahachkala, 1954. Vyp. 2. pp. 84–151.
10. Samedov D.S. Slozhnoe predlozhenie v avarskom jazyke v сопоставlenii s russkim. Mahachkala, 1995. 103 p.
11. Schendels E. Deutsche Grammatik. M., 1979. 370 p.
12. Schmidt K. Das Perfektum in indogermanischen Sprachen. Wandel einer Verbalkategorie // Glotta. B. II. N. 1, 1964.

Рецензенты:

Ганиева Ф.А., д.фил.н., ведущий научный сотрудник, Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы, ДНЦ РАН, г. Махачкала;
 Темирбулатова С.М., д.фил.н., ведущий научный сотрудник, Институт ЯЛИ им. Г. Цадасы ДНЦ РАН, г. Махачкала.

References

1. Admoni V.G. Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeckogo jazyka. M., 1955 391 p.